

СИМВОЛЫ В ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Символ — один из сложнейших объектов исследования. В культуре Средних веков символы имели огромное значение. Символическое восприятие пространства и времени, ритуализированность отношений между сеньорами и вассалами, включая рыцарскую службу, предельный формализм права, признававшего законными и действительными только те постановления и акты, которые были приняты при строжайшем соблюдении всех обрядовых действий и присяг, — таковы проявления всеобъемлющего средневекового юридического символизма.

Ключевые слова: символ, право, Средние века.

A. Glushakov

SYMBOLS IN THE CIVILISATION HISTORY: THE LEGAL ASPECT

Symbol is one of the most complicated objects of study. In the Middle Ages culture symbols were of the utmost importance. The symbolic perception of space and time, rituality of relations between seigniors and vassals, including knightly service, utmost formalism of law, which recognised the legality of exclusively those resolutions and acts that were passed under the strictest compliance with all ritual actions and oaths, — these are the displays of all-embracing medieval formalism of law.

Key words: symbol, law, the Middle Ages.

Символ — один из сложнейших объектов исследования. В целом, характерен подход к символу совершенно с различных позиций: философии, онтогносеологии, герменевтики, семантики, культурологии [14, р. 73]. Слово «символ» происходит от греческого *symbolon*, в котором объединяются два корневых слова: «сим» в значении «вместе» или «с» и «болон» в значении «то, что было отброшено». Отсюда основное значение слова «символон» — то, что было сведено вместе [13, с. 19–27].

Стоит отметить, что в культуре Средних веков символы имели огромное значение. Хри-

стианство акцентировало значение символа перед лицом Божественного Абсолюта, объясняя реальность как слабый отблеск совершенного мира [1].

Символизм пронизывал средневековую жизнь на всех уровнях, от утонченной теологической экзегезы и ритуалов посвящения в рыцари до устрашающей процедуры анафемы и т. д. [2, с. 24]. Таково было то чувственное основание, на котором выросло символическое восприятие средневековья [11, с. 202–203].

Символизм Средних веков — средство интеллектуального освоения действительности.

В Средние века наряду с символикой теологов существовали бесчисленные символические представления, ритуалы и формулы, которые восходили к верованиям и обрядам эпохи варварства или возникали вновь, отражая глубокий пласт средневекового сознания. Многие судебные обычаи, ордалии, поединки, заклания — социальная практика феодализма — благодатная почва не только для сохранения, но и для нового, могучего развития символизма. Символическое восприятие пространства и времени, ритуализированность всех отношений между сеньорами и вассалами, включая рыцарскую службу, обмен подарками, предельный формализм права, признававшего законными и действительными только те постановления и акты, которые были приняты при строжайшем соблюдении всех обрядовых действий и присяг, — таковы проявления всеобъемлющего средневекового символизма [11, с. 304–305].

Всякое общество символично в той мере, в какой оно использует символическую обрядность. Это тем более справедливо для средневекового общества, поскольку оно усилило символизм, присущий всякому обществу, внедрением идеологической системы символической интерпретации в большинство сфер деятельности, в том числе и юридической. Вассалитет — фундаментальный правовой институт средневекового общества, не получивший символического разъяснения смысла ритуала в работах средневековых авторов. Помимо ритуала вассалитета существовали и другие родственные ритуалы, например, имеющие отношение к королевской власти — символы (атрибуты) властвования, церемонии коронации, погребения, наследования [5, с. 211]. Также ритуалы возведения в рыцарское достоинство были описаны в символических, религиозных, мистических терминах, которые представляли этот институт в качестве приобщения — причастия, отмеченного печатью христианства [5, с. 212].

По мнению Ж. Ле Гоффа, ритуалы вассалитета в Средневековье представляют собой именно символическую юридическую церемонию, имевшую своей целью распределение

прав и обязанностей. Особенно отмечал ученый то, что вассальные ритуалы содержат в себе три символических элемента: **слово, жест**, (в данном случае понимается как особое действие. — *А. Ю.*) **предмет** [5, с. 212] — на это положение следует обратить особое внимание, эта символическая троица пронизывает право с древнейших времен. Сеньор и вассал произносят слова, совершают жесты, вручают или принимают предметы, которые, кроме воздействия оказываемого их назначением, сообщают нам и нечто большее.

Использование слова, предмета, и ритуала в праве имеет долгую историю. Мы можем встретить примеры их употребления еще в римском праве. Обе стороны произносили торжественные словесные формулы, которые воспринимались римскими юристами прежде всего как публичные свидетельства сторон, имеющие полную юридическую силу [15, р. 966].

То же самое мы видим во франкском праве, где также бытовало странное действие, *affatomie* (Салическая правда, XLVI) или *adoptio in heridate* (лат., принятие в наследники) (Рипуарская правда, XLVIII). Ломбардское право знало аналогичный институт *thinx*. Поразительной чертой Салической правды была характерная символика правовых норм. Факты, подтверждающие проведение подобных символических ритуалов с использованием слова, жеста, предмета, мы находим на всей территории средневекового мира, например Испании, Италии, Португалии, Англии, Чехии, Германии и Китая.*

Также, по мнению Н. П. Павлова-Сильванского, занимавшегося изучением символизма права применительно к проблеме сравнения и доказательства сходства русского права с германским правом, в германском праве символическая обрядность имела очень большое значение, внимательно изучалась и некоторые символы изучены довольно давно, — например обрядность инвеституры — символическая передача ветки, посоха или знамени при пожаловании лена. Он подчеркивал, что символизм в древнерусском праве был достаточно развит, но наиболее известны юридические символы,

содержащиеся в обычном праве, например: «Дёрн» — символ дерна употреблялся в различных юридических обрядах при передаче права собственности, присяге в межевых тяжбах. Ритуал присяги на меже или обход межи с дерном известен с IX в. Происхождение этой присяги скорее всего можно отнести к заимствованным элементам из венгерского и германского права [9, с. 342–343]. «Солома» — использовалась при проведении символической процедуры ломания соломы. Эта процедура применялась как символ нарушения договора, отказа от обязательства, в особенности при разрыве вассального договора, в этом случае солома вырывалась и бросалась. В знак добровольного отказа от своих прав в особенности от права собственности на землю, солома не кидалась собственником, а передавалась новому собственнику [9, с. 350]; «рука» — относится к числу наиболее известных символических обрядов («рукобитье», «ударять по рукам»), служила целям освящения и закрепления сделки, указывала на то, что сделка совершена. Процедура совершалась большей частью в присутствии свидетеля — разъемщика, который разнимает сжатые руки, ударяя по ним сверху, также процедура употреблялась в качестве формального акта передачи вещи в собственность (*передача из рук в руки*) [9, с. 352]; «пола» — при «рукобитьи» и передаче вещи из рук в руки употребляется в качестве юридического символа пола кафтана. Символ «рука» соединялся с символом «полы» в одной процедуре. Выражение «передать из рук в руки» и «передать из полы в полу» относятся к одному и тому же формальному акту передачи вещи в собственность. При рукобитьи стороны обыкновенно обертывали руки в полы кафтанов, как видно из народных выражений: «бери полу, бей рука об руку» и т. д. При передаче вещи *из рук в руки* также передавали *ее из полы в полу* [9, с. 353]. «Перчатка» — с руки символическое значение было перенесено и на покрывающую ее рукавицу или перчатку. Широко известен обряд бросания перчатки, как знак вызова на бой. Перчатку также бросали вверх в воздух в знак отказа от права собственности на землю, ее снимали с руки и передавали в знак переда-

чи права собственности (но не ленного владения) [9, с. 355]; «обувь» — употреблялась в качестве символа у нас и в Германии. В Германии это был юридический символ подчинения (короли посылали своим вассалам обувь) с тем, чтобы они носили их в знак своей подчиненности, либо жених при обручении приносил невесте башмаки и она, как только надевала их на свою ногу, считалась подчиненной его власти. У русских символ обуви употреблялся в том же значении подчинения, но в другой обрядности. В немецкой традиции упор делается на одевание обуви, в русской — на разувание [9, с. 355]; «ключ» — как юридический символ употреблялся в знак принятия лицом на себя обязанностей ключника — приказчика. При этом кто принимал, привязывал себе ключ, без особого соглашения с хозяином, тот становился холопом, как определено Русской Правдой (ст. 104.) [10, с. 64–73]; «вино» — символическая процедура питья вина, в освящение совершенной сделки, для закрепления договора, имеет очень древнюю историю. В Германии возлияние, называлось «leitkauf» и «weinkauf»; «оружие» — процедура клятвы с использованием юридического символа оружия известна с киевских времен. Первый договор Руси с греками 911 г. утверждался клятвой оружием. Из второго договора 945 г. из летописи видно, что приносившие клятву снимали с себя и клали на землю или на холм перед кумиром, свои щиты, обнаженные мечи, обручи и все остальное оружие. При этом произносилось заклинание, обещающее грозную духовную санкцию за нарушение клятвы со стороны Божества (Перуна). Клятва оружием была скоро вытеснена клятвой «честным крестом», которым уже в 945 г. клялись руссы, принявшие христианство. Германцы также клялись оружием, но иначе, чем русские. Они произносили клятву, держа обнаженный меч или кладя руку на рукоятку меча, вонзенного в землю, тогда как русские клялись, положив на землю мечи, щиты и обручи [9, с. 358]; «копье» — употреблявшееся в знак объявления войны, принадлежит к числу древнейших символов. Римляне по рассказу Тита Ливия посылали противнику, в знак объявления войны,

копье, смоченное в крови и обожженное, такой же обычай существовал у норвежцев и шотландцев. На Руси бросание копья и ломание копья предводителем было знаком к началу битвы [8]; «волосы и борода» – символическое значение придавалось усам и бороде, как символам мужества подтверждается Русской Правдой, которая за повреждение усов и бороды назначает четверо большую пеню (ст. 60) [10, с. 64–73], чем за нанесение раны обнаженным мечом или за повреждение пальца. Символическое значение в юридическом быту придавалось первому стрижению волос у мальчика трех, четырех лет, причем его торжественно сажали на коня. Обряд обрезания волос у детей мужского пола знаменовал собой вступление их в гражданское, в чин благородных всадников и соблюдался не только в России, но и в других славянских землях (поляков, венгров). У немцев волосам и бороде также придавалось символическое значение как знаку совершеннолетия мужчины. Отрезание волос головы или бороды (у взрослых) служило у готов, франков и лангобардов символом усыновления; «челобитье» или «бить челом» – также представляет собой символический обряд, в XVII в. употреблялся в иносказательном смысле как символ униженной просьбы. Но в древности это была символическая процедура, совершавшаяся при вступлении в службу князю, как об этом свидетельствует стереотипное выражение удельного времени: «бить челом в службу». Впоследствии совершение процедуры немного изменилось, он стал считаться недостаточным для закрепления служебного договора с князем и к нему присоединяется еще служебная присяга – крестоцелование. Обряд челобитья в службу совпадает с обрядом вассальной зависимости. Оба обряда одинаково представляют собой формальные акты договоров о службе, акты подчинения слуги вассала – господину. Процедура проведения челобитья не слишком отличалась от процедуры зависимости «оммажа», она также связывалась с коленопреклонением [9, с. 360].

В работе Ф. И. Леонтовича «История русского права», вышедшей в 1869 г. [6, с. 5], рассматривается то, что нельзя отвергать значе-

ние в истории русского права факта принятия христианства но, тем не менее русское право стало получать свое новое развитие в более ранний период – со времени призвания князей, т. е. первого акта образования общей (княжеской) власти и зарождения идеи государства [6, с. 23, 27]. Полноценное изучение юридических установлений России невозможно без анализа обычных правовых норм и способов их выражения. Обычное право славян проявлялось в различных формах. Древнейшей формой проявления идеи права нужно считать юридические символы и обряды, пословицы и формулы. У славян, кроме того, были известны в древнее время песни, сказания (вещбы), доски и книги, в значении отдельных способов или форм развития и проявления обычного права [6, с. 89].

У славян право не отделялось от религии, ставилось под защиту богов – юридическим правилам и обычаям давалось религиозное освящение и санкция, вообще смотрели на них как на непосредственные заповеди Божественной власти. И вообще религия имела очень большое влияние на символизм права. Суд почти у всех славян был пропитан религиозным духом и обрядностью и допускал возможность обращаться в известных случаях к сверхъестественной помощи на суде (ордалии) [6, с. 100–104].

Факт совершения и заключения общественных, частных договоров и обязательств в русском средневековом праве признавался действительным только при соблюдении определенных условий: ряды (договора) должны были совершаться на миру, торгу, пред соседями – позже (с развитием письменной формы сделок) с «доклада» судье, князю (на публичность договорных сделок указывают ст. 32, 38 Псковской судной грамоты, где предписывается вносить в «ларь Св. Троицы» не только вечевые грамоты и грамоты князей, но и наиболее важные акты по частным делам) [10, с. 331–342]. Присутствие послухов – рядцев (свидетелей) и добрых людей, совершение сделок на миру, на сходках, пред соседями, было достаточной гарантией правильности и действительности общественных и частных дого-

воров. Манипуляции и символические действия были основной формой совершения договоров [3, с. 61].

Акцентируя внимание на символизме и обрядности славянского обычного права, следует подчеркнуть: «обычное» право проявляется во многообразных внешних формах, прежде всего «манипулятивных» – конкретные казусы и действия, правовые обряды и символы и словесные формы, правовая абстракция – слово (правовая терминология), формулы и пословицы [6, с. 28]. Русская Правда, Новгородская и Псковская Судная грамоты и пр. представляют собой народные обычаи, но только санкционированные письменным изложением их в уставах и грамотах. Сами по себе юридические правила создавались путем непосредственного творчества природы человеческой (чувства) и хранились в виде действий, обрядов, символов, пословиц, песен. Позже, с усложнением юридических отношений, «право начинает развиваться более искусственным образом... бок о бок с обычным правом встает законодательство» [6, с. 29].

Свою лепту в изучение правовых символов древнерусского права внес русский исследователь права А. А. Котляревский. Он отмечал: «Не имея письменности, балтийские славяне не имели и письмом (т. е. письменно) укрепленной “правды”». Следовательно, не имели норм права объективированных в письменных источниках, и в общественных взаимоотношениях они руководствовались законом отцов. Власть обычного права имела широкое распространение: ему подчинялись все семейные и вообще частные отношения и во многом общественные. Описывая юридический быт балтийских славян, А. А. Котляревский, привел пример существовавшей юридической символической процедуры возведения в совершеннолетие подростка мужского пола. Эта символическая процедура обряд называлась *постриг*. Она присутствует в легитимационной легенде, показывающей утверждение польской династии Пястов. При проведении этой процедуры устраивались большие торжества, на пострижение приглашались самые уважаемые люди. Символ пострига в обычном

праве обозначал полное наступление дееспособности для ребенка, служил символом его совершеннолетия [4, с. 129].

А. А. Котляревский в отношении предметов собственности, способов приобретения и владения ими выделял то, что земельная собственность была очень хорошо обозначена, для более точного определения правильного пользования ею и доходов собственника. Межи и границы обозначались по предметам (символами. – А. Ю.) заметным, постоянным и долговечным. В роли юридических знаков выступали: «а) одиночные деревья, отличавшиеся своей величиной, ростом и положением (дуб, бук, липа и т. д.); для точного обозначения на деревьях высекались метки и знаки, чаще всего – знак креста; иногда для этой же цели дерево обжигалось или очищалось от коры; б) большие камни, лежащие или торчащие в земле; на них также налагался знак, высекался крест» [4, с. 154]. Проведение и обозначение границ совершалось в официальной обстановке и с помощью обряда при свидетелях. В нем участвовал и сам князь: его рукой определялись граничные знаки, носившие названия княжьей границы [4, с. 155].

Особенно важно, что заключение договоров происходило в торжественной обстановке, с обязательным произнесением клятвенной формулы и внешними символическими действиями: иногда клятва соединялась с символом (т. е. происходила связь образа и внутреннего содержания) [4, с. 162–163].

Также юридические символы сопровождали процедуру заключения договоров. Купля-продажа совершалась на торгу в присутствии свидетелей, заключение договора скреплялось символическим *запитуем* (дружеским разделением чаши). При договоре займа, существовал порядок передачи по наследству обязательства по уплате долга. Если наследник должника не исполнял обязательство, то при проведении судебного заседания на его место ставился символ, обозначающий его присутствие (пук соломы); это служило символом исключения должника из числа членов общины и юридического закрепления обращения его в рабство. Межплеменные договоры, по мнению учено-

го, заключались полномочными людьми — послами и жрецами. Видимым внешним знаком намерения вступить в переговоры о мире служил разведенный огонь. Договор обеспечивался заложниками, которые в случае неисполнения договора подлежали смерти [4, с. 164].

Во второй половине XIX в. изучением символических явлений в древнерусском праве занимался ученый-юрист П. С. Ефименко. Ярким обычно-правовым явлением, требующим пристального изучения, как считал ученый, является изучение юридических знаков — знаков собственности. Знаки собственности, по мнению ученого, были широко распространены по всей территории Древней Руси [3, с. 57]. Основным функциональным значением применения юридических знаков, по мнению ученого, являлось распознавание предметов собственности и ограждение их от присвоения и похищения. Будучи знаками собственности, знаки становятся и знаками первого «завладения» вещью, знаком пользования ее, торговыми и межевыми знаками; вместе с тем они представляют собой личные знаки, употребляемые вместо подписи [3, с. 65–66]. Ученый утверждал, что от знаков собственности произошли таможенные знаки. У монголов таможенными знаками служили родовые клейма ханов, в Древней Руси — личные (родовые) знаки великих и удельных князей. Родовые или личные знаки, прикладываемые к товарам, с которых взималась пошлина, становились правительственными, официальными клеймами. Нанесенные клейма, представляли собой два различных понятия: понятие о предмете, который служил эмблемой лица или рода, и вместе с тем понятие о самом лице или роде, называвшемся именем этого предмета [3, с. 165].

При раскрытии темы символизации средневекового права через изучение правовых символов нельзя обойти вопрос исследования так называемых «ханских ярлыков», письмен-

ных памятников государственно-правовых отношений Древней Руси с Золотой Ордой. «Ярлыки» служили письменными государственно-правовыми символами, дающими право осуществления властных полномочий и наделяли человека, указанного в документе правовым иммунитетом при взаимодействии с представителями органов государственного управления Золотой Орды. «Ярлыками» эти документы названы в самих грамотах. В ярлыках говорится, что акты одинакового с ними содержания и названия давались Русскому духовенству и князьям в разное время от разных ханов. Они представляли собой особого рода льготные или жалованные грамоты (инвеститурные — правонаделющие), и в переводе с монгольского языка, а там он произносился, как *дзарлик* — обозначал «слово старшего к младшему», «повеление», «приказание» [12, с. 298].

Подводя итог исследованиям понятия символа в контексте Средних веков, следует сделать некоторые выводы: символ в Средние века существует особенно ярко в двух плоскостях: а) теологической и юридической; б) в исследуемый период существовала определенная двухуровневая система юридических символов: первый уровень составляют символы словесные, предметные; второй уровень — процессуальные символы (особые действия), состоящие из совокупности символов первого уровня; в) существует непосредственная функциональная связь обычного права (в последующем и так называемых «варварских» правд) и правовых символов — в сфере обычного права, в котором правовые символы использовались в процессе правового регулирования, где, с одной стороны, выступали в качестве указателей, подтверждавших возникновение правовых отношений между субъектами, а с другой стороны, представляли собой основной правоукрепляющий фактор (повышение юридической силы и стратификация правового положения субъектов права).

ПРИМЕЧАНИЕ

* Примеры всеобъемлющего символизма права в Средние века см.: *Ourliac P., Malafosse J. Droit romain et Ancient Droit*. I. “Les obligations”. Paris, 1957. P. 372–373; *Fazoli G. Introduzione allo studio del Feudalismo Italiano*. Bologne, 1959. P. 121; *Варьяш О.* Изменения в процессуальном законодательстве Португалии XIV века // *Право в Средневековом мире: Сб. статей*. СПб., 2001. С. 53; *Винокурова М. В.* Преступление и наказание в английском маноре конца XIV века // *Право в Средневековом мире: Сб. статей*. СПб., 2001. С. 39; *Иванишев Н.* Древнее право чехов // *Журнал Министерства народного просвещения*. Ч. 30. СПб., 1841. С. 106–110; В древнем германском праве, у каждого из удельных немецких княжеств существовали свои национальные формулы и символы, подчеркивавшие их самобытный характер. См.: *Grimm J. Deutsche Rechtsalterthumer*. Göttingen, 1854. С. 44–46, 246, 248; Древнее право Скандинавского полуострова также можно определить как символическое в целом. *Op. cit.* P. 195–196.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библиографический словарь священника А. Меня. СПб., 2002.
2. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984.
3. *Ефименко П. С.* Юридические знаки: опыт исследования по сравнительному обычному праву. СПб., 1874.
4. *Котляревский А. А.* Древности права балтийских славян. Прага, 1874.
5. *Ле Гофф Ж.* Другое средневековье. Екатеринбург, 2002.
6. *Леонтович Ф. И.* История русского права. Одесса, 1869.
7. *Леонтович Ф. И.* Старый земский обычай. Одесса, 1889.
8. *Лихачев Д. С.* Слово о полку Игореве. М., 1982.
9. *Павлов-Сильванский Н. П.* Символизм в древнем русском праве // *Журнал министерства народного просвещения*. 1905. № 7.
10. Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. М., 1984.
11. *Хёйзинга Й.* Осень Средневековья. М., 1995.
12. *Шмидт Я.* Монгольский словарь. СПб., 1834.
13. Энциклопедия символов / Сост. В. М. Рошаль. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2005.
14. *Stein See L.* What is a Symbol Supposed to be? // *Analytical Psychology*. 1957. Vol. II. N 1.
15. *Werner E.* Votum // *RE. Suppl.* XVI. Munchen, 1974.